

УДК 130.3

Социальное государство в России и мире. Проблемы и перспективы.

Ю.Д. Гранин, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; e-mail: maily-granin@mail.ru.

В статье анализируются основные теоретические подходы к изучению социального государства, дисциплинарные и междисциплинарные трактовки этого понятия. Рассматриваются мировоззренческие предпосылки формирования феномена социального государства в западноевропейской цивилизации 18–19 столетия, основные модели современного социального государства в странах ЕС и США. Выявлены недостатки социальной политики российского государства. Сформулированы основные принципы доктрины государственной социальной политики РФ на ближайшие десятилетия, ее цели и способы реализации.

Ключевые слова: бедность, государство, доктрина, модель, социальное государство, социальная политика.

12 декабря 2018 года Россия скромно отметила 25-летие принятия Конституции. Незадолго до этой даты в Российской Газете была опубликована крайне интересная статья председателя Конституционного суда РФ Валерия Зорькина «Буква и дух Конституции», которую наши записные пропагандисты предпочли не заметить. А между тем обсуждаемые в ней вопросы имеют принципиальное значение для настоящего и будущего страны. В частности, подчеркивая основополагающую роль Конституции для сохранения общественного согласия и устойчивого развития РФ, председатель КС обратил внимание, что некоторые ее положения, дабы быть эффективно использованы в правоприменительной практике, требуют конкретизации. Так, например, статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако, заметил Зорькин, «закрепленные здесь (ключевые для конституционного правопонимания!) понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления»¹.

¹ Зорькин Валерий. Буква и дух Конституции // Российская газета. Федеральный выпуск №7689 (226). 09.10.2018. URL:<https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii>

К этому наблюдению следует добавить, что в Конституции не конкретизируется и содержание термина «социальное государство», не уточняется, какой тип и какая модель социального государства реализуется в современной России. А между тем, как будет показано далее, формирование такого социально-политического феномена как «социальное государство» связано с возникновением понятия «социальная справедливость». Как замечательно сформулировал американский философ Д. Ролз, «справедливость – это первая добродетель социальных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли». К сожалению, подчеркнул председатель КС, «наше общественное сознание не проявляет надлежащего интереса к этой теме».

Учитывая это, в настоящей статье я попытаюсь сформулировать трансдисциплинарное понимание концепта социальное государство и, реализуя принцип единства логического и исторического, предложить основные принципы формирования отечественной доктрины социального государства, ее цели и способы реализации. Начать целесообразно с интерпретаций термина и основных подходов к анализу феномена «социальное государство» в отечественной литературе.

***

В современном научном дискурсе существуют десятки экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок концепта «социальное государство», и как минимум, три междисциплинарных подхода к анализу социального государства: атрибутивный, ценностно-нормативный и структурно-функциональный. Во многих работах они совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о социальном государстве, создавая барьеры «непонимания» между исследователями.

Устранить эти барьеры, по мнению автора, можно за счет выхода в трансдисциплинарную область исследований - сферу социально-конструктивистского философского подхода. Интерпретирующего историю человечества не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», а как процесс, реализующийся в социально и культурно оформленной совместной (предметно-практической и духовной) жизнедеятельности сплоченных в группы и общества людей, единство и развитие которого обеспечивается «вплетенным» в него (индивидуальным и общественным) сознанием. Последнее, будучи представленным исторически изменяемым многообразием научных и вненаучных (мифологических, моральных, религиозных, философских) форм, осмысливает наличный «социальный мир» не только с позиций «сущего», но и с позиций «должного» состояния, формируя тем самым «горизонты» его развития.

mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html

В этом контексте социальное государство может быть интерпретировано как «*правовое демократическое государство, которое совместно с институтами гражданского общества с целью сглаживания социальных противоречий, устранения разрывов в уровне и качестве жизни и стабильного развития рыночной экономики, гарантирует каждому гражданину такие стандарты материальной и духовной жизни, которые позволяют ему реализовывать свои политические, экономические, социальные и личные конституционные права и свободы*». Разумеется, это определение имеет идеально-типический характер. Но идеально-типическое конструирование понятий полезно для обработки и организации эмпирического социально-исторического материала с точки зрения фиксации некоего «образца» (эталона) современного государственного устройства, к которому пришли наиболее развитые страны «второго модерна» к началу XXI века.

Исторически это движение осуществлялось в направлении расширения спектра концептуализации прав и свобод человека и гражданина, от парадигмы «классовой борьбы» к парадигме «социальной солидарности», и было связано с цивилизационными особенностями развития государств Западной Европы в XVII-XIX веках. Иначе говоря, «социальное государство» появляется как продукт западноевропейской, а затем и евроатлантической цивилизации, важнейшую часть трансформации «культурного ядра» которой, начиная с XVII столетия, составили появившиеся в среде новых социальных слоев новые представления об обществе и государстве, о его социальном предназначении. Остановимся подробнее на этом моменте.

***

Опуская исторические детали, можно утверждать, что последовавшее за эпохой европейского Возрождения Новое время – это период, с одной стороны, внутренней трансформации западноевропейской цивилизации, а с другой – ее территориальной экспансии на другие континенты. Внутренние изменения Западной Европы выразились в переходе ее государств от феодальной организации к абсолютистской форме правления, а затем – к суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в череде европейских социальных революций (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового – капиталистического – способа производства с сопутствующим ему ростом городов, внутристрановой, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого, данный переход был ознаменован революциями в сфере научной мысли и промышленного производства, определившими вступление Европы в эпоху индустриализма.

Так уже в XVII веке формируется *modernity* (*современность*) – наи-

лучшая («современная») хозяйственная система и, одновременно, передовые типы общественного (экономического, социального и политического) развития и типы общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования. Характерной чертами этой модели были 1) появление системы массовых (печатных) коммуникаций, 2) преобладание инновации над традицией, 3) развитие под определяющим влиянием достижений науки и техники, «пространством» распространения которых, в свою очередь, стала 3) система массового светского образования как фактора формирования общего языка и общей (национальной) культуры многоязычного и мультикультурного населения западноевропейских государств¹.

Разумеется, эволюция этой модели развития в каждой стране имела свои особенности. Но, так или иначе, во всех европейских странах трансформация «сословного государства» в национальное правовое государство, а затем – и «социальное государство» было связано со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII-XIX столетий. Появление после 1648 года («Вестфальский мир») системы международного права, закрепившее употребление понятий «внутреннего» и «внешнего» политического суверенитета, постепенная замена «суверенитета государя» понятием «народного суверенитета», с одной стороны, и отделение государства от «гражданского общества» (т.е. функциональное обособление государственного аппарата), с другой, – то, что по мнению Хабермаса, составило правовую основу появления в Европе национальных государств и сопутствующих им «наций». «Вне зависимости от того, – пишет он в разделе «Европейское национальное государство. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства», – была ли сама государственная власть уже приручена в государственно-правовом смысле и стала ли корона «подзаконной», государство не может пользоваться правовой средой, не организуя сообщение в отличной от него сфере гражданского общества таким образом, чтобы частные лица пользовались субъективными свободами (распределенными сначала не поровну). С отделением частного права от публичного отдельный гражданин в роли «подданного» достигает, как выражался еще Кант, самой сути частной автономии»².

Этому способствовало появление «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, которые быстро сформировали широкую читающую аудиторию, численность и социальный состав ко-

¹ Подробнее см.: *Гранин Ю.Д.* Роль образования в формировании российской нации // Высшее образование в России. 2006. №10. С.150-156; *Гранин Ю.Д.* Что такое глобализация? // Высшее образование в России. 2007. №10. С.116-121; *Гранин Ю.Д.* Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Проектные решения, 2014; *Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты.* СПб.: Изд-во Политехнического университета. 2017.

² *Хабермас Юрген.* Вовлечение другого. Очерки политической теории /Пер. с нем. Ю.С. Медведева. СПб.: Наука, 2001. С.271.

торой постоянно увеличивались по мере разрушения сословных перегородок и появления сословно-классового общества. Под давлением капиталистических (товарно-денежных) отношений из разлагающихся «сословий» формировалась новая социальная структура, важнейшими элементами которой становились аграрный и промышленный пролетариат, буржуазия и «люди свободных профессий», из числа которых (разоряющихся дворян, ремесленников, студентов, преподавателей, врачей, юристов и т.д.) формировался социальный слой «интеллектуалов»: мыслителей и ученых, впоследствии названный «интеллигенцией»¹.

***

Важно иметь в виду, что в XVII-XVIII веках эти новые социальные слои обеспечивали рациональный характер организации и осуществления государственной власти, единообразного и рационального регулирования общества, принципиально отличавший государства Западной Европы от современных им восточных империй. Это выразилось в появлении феномена камерализма (*Kammer* – по-немецки «палата», но также «кладовая») – идеологии и практики производства дискурсов в трех основных областях: организации государственных финансов, системы хозяйствования (*Oeconomie*) и упорядочивании общества (*Polizei*). Наиболее известными продуктами камералистской идеологии были экономическая доктрина меркантилизма и теория административного устройства “*gute Polizei*” – правильно управляемого государства. Как демонстрируют современные исследования, «камерализм (*Kameralwissenschaft*) представлял собой колоссальных масштабов риторический механизм, основным результатом которого было не точное экономическое или социальное знание и не инновационные практические советы производственного и административного характера, а создание и продвижение самого представления о государстве как едином рационально устроенном механизме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками. Абстрактная идея «государства» внедрялась в умы подданных и правителей, формировалось представление о чиновнике как служащем этому государству не из вассального подчинения сюзерену и не ради корыстного злоупотребления должностью («кормления»), а с целью внести вклад в общественное благо»². Путь к которому осмысливался как движение от сословного к политическому обществу («нации») и в категориях частной выгоды и универсальной законности.

Специфика и горизонты этого осмысления определялись не только изменениями социальной структуры западноевропейских обществ, но и трансформацией мировоззрения, характерной чертой которого ста-

¹ Подробнее см.: Гранин Ю.Д. Интеллигенция и национализм // Свободная мысль. 2009. №8. С.77-90.

² Глебов С., Могильнер М., Семенов А. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть I // *Ab Imperio*. 2015. №1. С.328-329.

ли *антропоцентризм* и *механицизм*. Одновременно развитие философии и успехи естественных наук формируют убеждение о рациональном устройстве природы и общества и всесильности человеческого Разума: «Все действительное разумно, все разумное действительно» – эта интуиция (позже концептуализированная Гегелем) стимулировала интеллектуалов к поиску рациональных моделей общественного устройства в течение всего XVIII столетия.

Этот «долгий XVIII век» (продлившийся до середины XIX столетия) представлял собой клубок социально-экономических противоречий. И если наводил на мысли о чем-либо, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели, о которых писали Руссо, Дидро, Адам Смит и Давид Рикардо. В работах последних социальное неравенство и сопутствующая ему повсеместная бедность объявлялись неустранимыми, так как, будто бы, постоянно провоцировались «неутолимой жадной размножения» низших слоев, которая, якобы, будет только увеличиваться по мере повышения им заработной платы и вообще перераспределения общественного богатства в их пользу. Помимо экономических соображений, основанных на понимании «диалектики» труда и капитала в качестве необходимого следствия «естественных» для общества экономических законов рынка, *эта тенденция игнорирования бедности и социального неравенства поддерживалась верой во всецелие рационально устроенного государства.*

А оно, совместно с церковью, как показал Мишель Фуко, повсюду использует практику «изоляция» бедности. По всей Западной Европе создаются «госпитали» и «рабочие дома», в которых насильно помещают душевнобольных, бродяг, бездомных и нищих, квалифицируя их как «неразумных» и заставляя работать по строго разработанным планам. Подобная практика вполне рациональна: *так как «бедность» выводится за пределы разума и записывается по ведомству «неразумия», вполне разумно применять к ней меры изоляции, морального осуждения и дисциплинарного насилия.* И такая «социальная политика» реализуется более двух столетий: практика обязательного труда в условиях изоляции, имеющая цель снять социальное напряжение в периоды экономических кризисов, сохраняется вплоть до середины XIX века. Правда, она оказалась экономически крайне неэффективной: даже когда рабочие дома захотели превратить в мануфактуры, где доход делился пополам заведением и предпринимателем, они не дали ожидаемого эффекта ни в периоды экономических кризисов, ни во времена экономического подъема. «Поглощая безработных, они главным образом маскировали их нищету и позволяли избежать социальных и политических неудобств, причиняемых их волнениями; однако, распределяя их по принудительным мастерским, дома эти способствовали росту безработицы в прилегающих регионах или в соответствующих секторах экономики»¹.

¹ Фуко Мишель. История безумия в классическую эпоху / Пер. с франц. И.К. Стафа. СПб.: Университетская книга, 1997. С.85.

Промышленная революция принципиально ничего не изменила. А спровоцировала новый всплеск безработицы фабричного пролетариата, чьим следствием стало движение, вошедшее в историю под названием «разрушителей станков» (названных «луддитами» по имени легендарного Нэда Луддта), которое было жестоко подавлено правительством Великобритании. Только великий Байрон выступил 27 февраля 1812 года в палате лордов против билля, предусматривавшего применение смертной казни рабочим, разрушавшим станки. Но 5 марта 1812 года билль получил силу закона. С этого момента начались казни луддитов, которых для «устрашения», в графстве Ноттингем, в частности, вешали на вековых дубах Шервудского леса, близ которого находилось родовое поместье Байронов. Тогда Байрон покинул Англию, а положение трудящихся еще несколько десятилетий оставалось без видимых изменений.

Не надеясь на государство, рабочие создавали «общества взаимопомощи» и профессиональные союзы, открытие и деятельность которых находились под бдительным контролем властей, опасавшихся, что такие структуры представляют угрозу для существующего общественного устройства. И в промышленных центрах Англии, как грибы после дождя, росли рабочие поселки (своего рода новые «центры изоляции»), жизнь в которых, как показал Энгельс, представляла собой разительный контраст с жизнью состоятельных классов. Поэтому рабочие волнения, нередко сопровождавшиеся убийствами фабрикантов и членов их семей, порожденные ужасными условиями труда и быта, низкими зарплатами, продолжались. На это государство отвечало репрессиями, но принципиально менять социальную политику не собиралось.

В значительной мере это было связано с унаследованным из прошлого представлением о том, что основная причина бедности, социального недовольства и социальных протестов связывалась с вредными привычками и ущербной моралью тех людей, которые, собственно, и составляли пласт «трудящихся». Но постепенно вместе с разрушением прежнего рационализма и механистической картины мира, развитием национальных систем образования возникает подозрение к «разумно устроенной» общественной системе и венчающему ее государству. В центре критики оказывается гегелевское представление о государстве как «шестьи Бога в мире», как «земнобожественном существе». И философская максима «Все действительное разумно, все разумное действительно» подвергается пересмотру почти одновременно и параллельно в рамках либеральной, анархистской, коммунистической и консервативной мысли середины XIX века. Но, почему-то, рассматривается многими отечественными исследователями именно как «консервативный ответ» на вызов Великой Французской революции и европейских революций 1848-1850 годов¹.

¹ См., например, *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штей-

Хотя появление термина «социальное государство» мы действительно находим в трудах консерватора Лоренца фон Штейна, дальнейшее и наиболее плодотворное развитие этой идеи осуществлялось в лоне социалистической мысли и практики во второй половине XIX – первой трети XX столетия. Именно под их влиянием к 80-м годам XIX века в Великобритании, Франции, Германии произошла переориентация социальной политики от абстрактной идеи социальной справедливости в сторону ее практической реализации. На волне политики государственного национализма О. фон Бисмарка в 1871 году Германия впервые в истории вводит государственное социальное страхование от несчастных случаев на производстве, в 1880 году она же начинает финансировать медицинскую помощь, в 1883 году вводит пособие по болезни. В этой связи «железного канцлера» упрекали в непоследовательности: с одной стороны, им был введен исключительный закон против социалистов, а с другой – приняты законы, созвучные социалистическим идеям. В ответ Бисмарк объяснял, что в стране лучше иметь немного больше социализма, чем много социалистов.

Постепенно опыт Германии был воспринят и в ряде других стран. Этому способствовал экономический кризис конца XIX столетия, поразивший Великобританию и США, и вызвавший рост безработицы и забастовок. Как отмечал Т.Х. Маршалл, период 1865-1900 годов можно назвать «периодом коллективизма» – временем, когда идеи социализма интерпретировались большинством как требования вмешательства государства для обеспечения благосостояния всех людей без исключения. Комментируя принятие социальных законов правительством Великобритании, Дж. Чемберлен заявлял: «Мне будут говорить завтра, – что это социализм... конечно, это социализм. Закон об оказании помощи неимущим – социализм; закон об образовании – социализм; большая часть муниципальной работы – социализм; и каждый доброжелательный акт законодательства, посредством которого общество стремилось освободиться от обязанностей и обязательств перед бедными, является социализмом»¹.

И по сути этой же точки зрения, несмотря на различие идеологических позиций, придерживались правительства многих европейских стран, где государственное социальное страхование граждан начинает активно применяться со второй половины 1880-х и получает правовое закрепление в Конституции Веймарской республики 1919 года и Конституции Чехословакии 1920 года.

А в советской России уже в ноябре 1917 года издаются декреты о страховании от безработицы, о бесплатной медицинской помощи, о пособиях по случаю болезни, родов и смерти. Позже социальная по-

на // *Философия и общество*. 2008. № 3. С.69-79; Кочеткова Л.Н. *Социальное государство. Опыт философского исследования*. М.: Либерком. 2016.

¹ *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С.126-127.

литика СССР (во многом благодаря массивной официальной пропаганде) получила такой резонанс, что оказала серьезное влияние на правительства и социал-демократические партии Европы. Доступность социальной поддержки всем членам общества, государственное пенсионное обеспечение, бесплатное медицинское обслуживание, другие виды социальных трансфертов – начиная с середины 1920-х годов эти идеи и примеры оказывались все более востребованными массовым сознанием и все более популярными в среде политических элит. В итоге 1930-е годы стали отправной точкой создания «шведской модели социализма», основанной на идеях сосуществования принципов капитализма в сфере экономики и принципов социализма в сферах распределения и социального обеспечения». Поэтому первый этап становления социального государства в Европе и США, датируемый с 70-х годов XIX века до 30-х годов XX столетия, можно охарактеризовать как *социалистический*. А само государство этого периода – *как социально защищающее государство, которое в рамках своих обязательств обеспечивает приемлемый уровень жизни уязвимых слоев населения*.

***

В отечественной литературе нет общепризнанной периодизации истории социального государства, поскольку, как уже отмечалось, нет общепринятой трактовки этого социально-политического феномена и, соответственно, – критериев его эволюции. В итоге одни авторы выделяют четыре этапа в его развитии¹, другие – пять², третьи – шесть³, а четвертые – восемь этапов генезиса социального государства⁴.

Последняя периодизация более предпочтительна, поскольку связывает практику построения социального государства с возникновением тех идей и концепций, на основе которых эта практика осуществлялась. Вместе с тем следует помнить об относительности любых периодизаций и типологий, да и любых оценок. Например, все авторы сходятся во мнении, что начиная с 1990-х годов и до сего дня, в силу многих причин, одна из последних исторических форм социального государства – «государство всеобщего благосостояния» – переживает кризис. Но так происходит не во всех странах, потому что каждая страна, в силу политических, социокультурных и иных исторических особенностей развития, реализует разные модели социальной политики.

¹ Милецкий В.П. Этапы становления и развития теории социального государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. №7. С.23-32.

² Калашиников С.В. Функциональная теория социального государства. М.: Экономика. 2003.

³ Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ. 2005.

⁴ Кочеткова Л.Н. Социальное государство. Опыт философского исследования. М.: Либерком. 2016.

Как правило, в особый модельный тип социального государства выделяют: а) *скандинавскую* модель (реализуемую в Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии), б) *англосаксонскую* модель социального государства (Австралия, Великобритания, Ирландия, Канада и США), в) *континентальную (корпоративистскую)* модель (используемую в Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Люксембурге, а также Нидерландах, хотя последняя из названных стран адаптировала многие черты нордической модели) и г) *южноевропейскую (иначе - средиземноморскую)* модель социального государства (Греция, Италия, Испания, Португалия, Мальта, Кипр), присоединяя к ним «*группу стран с социалистическим прошлым*». К последним относятся страны Балтии и государства Центральной и Восточной Европы, где социальное государство, полагают исследователи, «находится на стадии концептуального и институционального оформления»¹. Используя политические критерии, все эти модели можно охарактеризовать и как социал-демократические, консервативные и либеральные типы социального государства, которые в «чистом виде» существуют лишь в сознании теоретиков.

Бытует мнение, что Советский Союз был одним из первых социальных государств мира. Но это не так. Согласно нашему пониманию, приведенному в начале статьи, СССР не был социальным государством. Поскольку в Советском Союзе фактически не было разделения ветвей власти, не было классов, независимого гражданского общества и рыночной экономики. Трудящиеся были отчуждены от собственности. Но это не означало, что у недемократического однопартийного государства не было социальной политики. Наоборот. Она была и была очень значительной. Но в СССР сложилась патерналистская модель социальной политики в условиях этатристического общественного устройства, в том числе, и устройства социальной сферы. Как отмечают исследователи, последняя характеризовалась *стратификацией иерархического типа*, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотношенных с ними привилегиях. К сегодняшнему дню это имеет прямое отношение.

Современная Россия унаследовала и сохранила многие характеристики этатристического общественного устройства. В области пенсионного страхования продолжает сохраняться стратификация иерархического типа: согласно пенсионным законам, все население РФ поделено на два лагеря. К первому принадлежат представители слабо защищенных социальных слоев (инвалиды, дети-сироты, ветераны ВОВ, блокадники и т.д.), а также госслужащие (военные, судьи, прокуроры, сотрудники МВД, ФСИН, гражданские чиновники и др.). Для них предусматривается государственное пенсионное обеспечение, то есть регулярные вы-

¹ Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее. / Отв. редактор Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2016. С.8-21.

платы из госбюджета (для льготников – копеечное, а для госслужащих, понятно, совсем другое). Все остальные – обычные граждане – получают пенсии за счет страховых выплат работодателей в Пенсионный фонд России. Иными словами, *в России действует две параллельные пенсионные системы*. Лица, находящиеся на госслужбе РФ – представители «служилого сословия», – получают пенсии из бюджета, а не из ПФР. На них не распространяются новая «пенсионная реформа», повышение пенсионного возраста, который им повысили еще в 2017 году.

Точно также в России действует многослойная (корпоративная) система здравоохранения. Обеспечение медуслугами госслужащих, например, у нас регулируется отдельным законом, по которому они вправе пользоваться альтернативной системой здравоохранения – ведомственными поликлиниками и больницами. Кроме того, в 2014 году были внесены поправки в статью 42 ФЗ № 314 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Согласно этим поправкам финансирование медобслуживания госслужащих производится из двух источников – из Фонда ОМС и, дополнительно, из госбюджета. А «обычные граждане» с 2015 года могут рассчитывать лишь на одноканальное финансирование из ФОМС. Фактически закон гарантирует чиновникам особые условия медобслуживания и особые условия отдыха, которые ранее полагались лишь работникам вредных производств и жителям закрытых территориальных образований. И этот перечень социального неравенства (в сфере образования, обеспечения жильем и т.д.) можно продолжить. И обратите внимание, что если бы все имеющиеся у госслужащих льготы «монетизировать» (как, видимо сгоряча, предлагал в 2012 году Д.А. Медведев), то по оценкам экспертов, их официальные зарплаты могли бы подняться до 14-15 млн рублей в месяц, что, конечно, вызвало бы массовое возмущение граждан.

А между тем по уровню бедности (т.е. размерам пенсий и зарплат ниже и чуть выше прожиточного минимума, с 2019 года это 11 280 рублей) Россия опережает большинство европейских и многие азиатские страны. Глава Счетной палаты Алексей Кудрин заявил, что текущий уровень бедности населения при существующем уровне валового внутреннего продукта (ВВП) является «позором». А в майском указе 2018 года президент Путин поставил задачу: к 2024 году сократить бедность в два раза, а продолжительность жизни увеличить до 78 лет.

Эти намерения были бы осуществимы, если бы оказалась возможной реализация самой амбициозной из 10 заявленных в указе задач: «Вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 %». Но при существующей внешней политике Россия еще долго будет оставаться под санкциями, а значит продолжать реализовывать «бюджетное правило» (отправлять плани-

руемый почти двух триллионный профицит бюджета в Фонд национального благосостояния, т.е. покупать ценные бумаги других стран) рассчитывать на это не приходится. Хотя было бы логично в сложившейся ситуации увеличить инвестиции в социальный капитал, чтобы стимулировать экономический рост. Ведь с таким профицитом можно удвоить расходы на медицину и образование или поднять пенсии почти в полтора раза!

Разумеется, откровенную несправедливость нашей социальной политики можно отнести на счет «сбоев» в работе правительства, или на издержки его, будто бы, неолиберального курса. Думаю, это ошибочное мнение. Либеральное государство западного образца действительно оказывает гражданам лишь минимальные социальные услуги, защищает лишь самые основные социальные права, предоставляя возможность все остальное «добирать за счет рынка». Но и налоги оно собирает по минимуму и бюрократический аппарат имеет незначительный. У нас же наоборот. По данным Росстата, с 2000 года число чиновников (госслужащих и «муниципалов») возросло примерно на 1 млн человек и на 1 января 2018 г. составило 2 173 900 человек. Поэтому *нужна системная модернизация* России, исключая имитацию и формализм, но включающая в орбиту своего осуществления все сферы жизни общества.

Многие считают это невозможным в стране, экономика которой представляет собой «капитализм для своих», а социальная политика ориентирована на поддержку «своих бюрократов». Последние больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны – ослабления «властной вертикали», скрепляющей ассиметричную РФ. Она действительно до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств. Поэтому в обозримом будущем не стоит ждать изменения курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы авторитаризм был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны и ее социальное развитие. А для этого, в частности, *нужна доктрина (стратегия) формирования современного социального государства, способная перевести страну на путь рефлексивного саморазвития.*

Имея ввиду формирующуюся в XXI столетии тенденцию замены «государства всеобщего благосостояния» обществом «всеобщего благосостояния» (предусматривающую значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, реализующих социальные услуги) это должна быть *доктрина формирования государства социал-демократического типа*, ориентированная на ряд преобразований в экономике, праве, социальной сфере, гражданском

обществе, итоги которых способны трансформировать сферу человеческой экзистенции в направлении к обретению смысла существования, самоощущению подлинности бытия.

В области экономики модернизация означает *переход от «капитализма для своих» к «социально ориентированному рыночному хозяйству»*. В социальной сфере следует *сосредоточить усилия на изменении конфигурации социального и социокультурного пространства РФ, сокращении социальных и культурных (образовательных) дистанций*. Средства для этого могут быть разными. Самые первоочередные – справедливое распределение национального богатства, повышение качества массового среднего и высшего образования, реиндустриализация экономики и достойная зарплата наемных работников, развитие постиндустриального сектора, способного создавать высокоэффективные рабочие места, способствующие массовой мобильности в более высокие социальные слои, создание институциональных условий для развития предпринимательства.

Современное социальное государство не может быть патерналистским, плодя тунеядцев и иждивенцев, блокируя экономическую и другую творческую активность людей. *Необходимы совместные усилия государства и гражданского общества*. Последнее также требует модернизации в виде перехода на новый уровень самоорганизации и траекторию саморазвития, способную реализовать интенцию к гуманизму социальной системы.

В конечном счете, основной целью построения социального государства является гарантированное обеспечение его гражданам таких условий развития и качества жизни, в которых люди чувствовали бы себя счастливыми. По индексу счастья ООН (есть и такой) Россия находится примерно в четвертом десятке индустриально развитых стран. Поэтому внимание к социальному самочувствию населения, его удовлетворенности жизнью, ощущению подлинности и аутентичности существования являются необходимым атрибутом государства, выбравшего гуманистический вектор развития.

Указанные направления могут быть ориентирами для *формирования национальной модели российского социального государства*, учитывающие экономические, политические и социокультурные особенности развития народов и регионов России.

Характерной чертой этой модели должна быть универсальность, получение социальных благ должно рассматриваться как неотъемлемое право каждого индивидуума вне зависимости от его происхождения, возраста, гендерной принадлежности, профессии или трудового статуса. *А целевыми установками должны стать борьба с бедностью, высокая занятость, выравнивание доходов населения (разрыв в доходах бедных и богатых слоев населения растет), развитие систем социального страхования и социальной защиты, содействие развитию институтов гражданского общества*.

Средствами достижения этих целей могут быть введение дифференцированного, в том числе прогрессивного, налогообложения для сокращения «социальных дистанций» – снижение индекса Джини до уровня скандинавских стран: 25-27 %. И обширный комплекс мер, направленных на улучшение качества «человеческого капитала» за счет государственных вложений в образование и переподготовку кадров, повышение профессиональной и географической мобильности рабочей силы, поощрение спроса на нее со стороны работодателей (в том числе при помощи субсидий).

В перспективе Россия как социальное государство – это государство социальной справедливости, солидарности и реального социального гуманизма. Этот гуманизм включает создание условий и механизмов обеспечения достойной жизни и социальной защиты гражданам, минимизацию социальных рисков, движение политической системы в направлении к демократии, гуманизацию образования, отношения к окружающей среде, сохранение культурного наследия, создание условий для самореализации творческого потенциала личности. Здоровье и продолжительность жизни, семья, безопасность, социальное самочувствие, качество жизни, социальный капитал и другое являются индикаторами современного социального государства, которые могут быть исследованы и использованы как ориентиры его развития.

Литература:

- *Глебов С., Могильнер М., Семенов А.* Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть I // *Ab Imperio*. 2015. №1.
- *Гранин Ю.Д.* Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Проектные решения. 2014.
- *Гранин Ю.Д.* Интеллигенция и национализм // *Свободная мысль*. 2009. №8. С.77-90.
- *Гранин Ю.Д.* Роль образования в формировании российской нации // *Высшее образование в России*. 2006. №10. С.150-156.
- *Гранин Ю.Д.* Что такое глобализация? // *Высшее образование в России*. 2007. №10. С.116-121.
- *Грин Дэвид.* Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства. / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство. 2009.
- *Зорькин Валерий.* Буква и дух Конституции // *Российская газета*. Федеральный выпуск №7689 (226). 09.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranitochechnymi-izmenenijami.html>.
- *Калашиников С.В.* Очерк теории социального государства. М.: Экономика. 2006.
- *Кочеткова Л.Н.* Социальное государство. Опыт философского

- исследования. М.: Либерком. 2016.
- *Милецкий В.П.* Этапы становления и развития теории социального государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. №7. С.23-32.
  - *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ. 2005.
  - Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее. / Отв. редактор Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН. 2016.
  - Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общ. ред. Н. И. Лапина. СПб.: «Реноме». 2019.
  - СПб: Изд-во Политехнического университета. 2017.
  - *Фуко Мишель.* История безумия в классическую эпоху / Пер. с франц. И.К. Стафа. СПб.: Университетская книга. 1997.
  - *Хабермас Юрген.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю.С. Медведева. СПб.: Наука. 2001.

Поступила в редакцию 31 декабря 2019 года.